

16. Mordvintseva, V.I. & Khachaturova, E.A. & Yurchenko, T.V. (2010) *Sokrovishcha drevney Kubani* [Treasures of the Ancient Kuban]. Simferopol; Krasnodar: Universum.
17. Shaub, I.Yu. (2007) *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII- IV vv. do n.e.)* [Myth, Cult, Ritual in the Northern Black Sea Region (7th–4th Centuries BC)]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University.
18. Savostina E.A. (2001) “Bosporskiy stil” i syuzhety Gerodota v plastike Severnogo Prichernomor'ya [“Bosporus Style” and Herodotus’ Plots in the Plastics of the Northern Black Sea Region]. In: *Bosporskiy rel'ef so stsenoy srazheniya (Amazonomakhia?)* [Bosporus Relief With a Battle Scene (Amazonomachy?)]. Moscow; Saint Petersburg: Pushkin State Museum of Fine Arts; “Letniy sad”. pp. 284–323.
19. Shtal', I.V. (2000) *Svod mifo-epicheskikh syuzhetov antichnoy vazovoy rospisi po muzeyam Rossiyskoy Federatsii i stran SNG (peliki, IV v n.e., kerchenskiy stil')* [A Collection of Mythoeptic Subjects of Antique Vase Painting in Museums of the Russian Federation and the CIS Countries (Pelikes, IV Century AD, Kerch Style)]. Moscow: OLMA-PRESS.
20. Rusaeva, A.S. (2001) [Aphrodite Urania, Patroness of the Milesian-Pontic Colonization]. *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstv* [The Bosporus Phenomenon: Colonization of the Region, Formation of Policies, Formation of States]. Proceedings of the International Conference. Part 1. Saint Petersburg: The Hermitage. pp. 17–21. (In Russian).

УДК 008 (1-6)

DOI: 10.24412/2070-075X-2021-4-126-138

Т.И. Ерохина

САКРАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ¹

В статье анализируется феномен культурной памяти, представленный в аспекте сакрализации. Предметом исследования стал современный отечественный кинематограф в аспекте сакрализации культурной памяти о Великой Отечественной войне. Опираясь на научную традицию изучения феномена культурной памяти, семиотический и социокультурный методы анализа явлений культуры, автор выделяет основные мифологемы, моделирующие архетип Священной войны. В выводах обозначены задачи, средства и функции сакрализации культурной памяти, отмечен ее амбивалентный характер.

Ключевые слова: культурная память, сакрализация, мифологизация, отечественный кинематограф, героизация, Великая Отечественная война.

Юбилейные даты в истории культуры традиционно привлекают внимание исследователей в силу ряда причин. Прежде всего это связано с феноменом культурной памяти, которая сохраняет и воспроизводит те онтологически значимые события, которые являются сакральными и способствуют консолидации членов той или иной культуры. Кроме того, юбилейные даты, как правило, приводят к актуализации культурных смыслов и символов, заложенных в них, что, в свою очередь, создает новые

¹ Выполнено по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

векторы интерпретации этих событий, особенно если они связаны с историческим прошлым страны.

В этом контексте внимание к Великой Отечественной войне в современной культуре остается стабильным и представляет научный интерес: в условиях смены исторических парадигм победа во Второй мировой войне остается чуть ли не единственным событием советской эпохи, которое отмечается как государственный праздник, соотносится с исторической датой. Остальные праздники, пришедшие из советской России (День защитника Отечества, Международный женский день, Праздник Весны и труда) дошли до нас в трансформированном виде. Более того, в России к памятным датам, которые закреплены в культурной памяти, относится и начало Великой Отечественной войны – День памяти и скорби, и ряд других событий, которые отмечаются именно как дни памяти (например, начало блокады Ленинграда).

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов: значимостью событий Великой Отечественной войны в истории советского государства и современной России; обращением к изучению механизмов культурной памяти, включающих в себя процессы сохранения и забвения, сакрализации и демифологизации. *Актуальность* исследования обусловлена также обращением к современному эмпирическому материалу, не получившему пока научного осмысления в отечественном гуманитарном знании.

Целью исследования стало осмысление механизмов и векторов сакрализации памяти о Великой Отечественной войне в современной культуре, репрезентируемых в отечественном кинематографе 2015–2021 гг. В *задачи исследования* входят: выявление особенностей содержания и функционирования культурной памяти, а также обращение к механизмам культурной памяти, представленным в современной культуре; анализ тематической и символической составляющих современных отечественных кинофильмов, посвященных событиям Второй мировой войны; осмысление способов и задач сакрализации памяти в отечественной культуре посредством кинематографа. Объектом исследования является феномен культурной памяти, предметом исследования – современный отечественный кинематограф в аспекте сакрализации культурной памяти о Великой Отечественной войне.

Научная новизна исследования обусловлена обращением к современному эмпирическому материалу, а также выбором ракурса исследования, позволяющего осмыслить явления современной художественной культуры в аспекте культурной памяти и мифологизации, а также проанализировать бытование и функционирование культурной памяти в современном киноискусстве. *Эмпирическим материалом* исследования стали отечественные игровые кинофильмы, вышедшие в кинопрокат в 2015–2021 гг. и посвященные событиям Великой Отечественной войны. В *задачи исследования* не входит обращение к телевизионным фильмам, сериалам, документальному кинематографу, посвященному Второй мировой войне, поскольку этот пласт отечественного кинематографа требует отдельного осмысления.

Методологической базой исследования стали работы, посвященные изучению культурной памяти (Я. Ассман¹, Ф. Йейтс², Ю. Лотман³, П. Рикёр⁴, М. Хальбвакс⁵, П. Хаттон⁶ и др.); а также исследования, посвященные семиотическому

¹ Ассман Я. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

² Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997. 480 с.

³ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 200-202.

⁴ Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

⁵ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вст. ст. С. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.

⁶ Хаттон П. История как искусство памяти / пер. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2004. 424 с.

(Р. Барт⁷, Ж. Деррида⁸, Ю. Лотман⁹ и др.), символическому и мифокритическому анализу явлений культуры (Р. Барт¹⁰, Э. Кассирер¹¹, Дж. Кэмпбелл¹², А. Лосев¹³ и др.). В работе также были востребованы исследования, посвященные отечественному кинематографу (Н. Зоркая¹⁴, К. Разлогов¹⁵, Н. Хренов¹⁶ и др.).

Осмысление теоретических аспектов культурной памяти имеет сложившуюся научную традицию. Не останавливаясь на истории формирования концепций культурной памяти, отметим теоретические позиции, которые были востребованы в нашем исследовании. Прежде всего обозначим содержательное наполнение концепта «культурная память», которое в самом широком смысле связано для нас с определением истории культуры, предложенным Д.С. Лихачевым: «История культуры – это история человеческой памяти, история развития памяти, ее углубления и совершенствования» [1. С. 68]. В исследовании мы будем опираться на определение памяти, предложенное Ю.М. Лотманом, для которого «культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [2. С. 200]. Значимость этого определения для нас обусловлена не только семиотическим подходом к культуре, но и обозначением ведущей функции культурной памяти – функции коммуникации, в рамках которой происходит трансляция и восприятие культурных кодов, декодирование и создание новых кодов, актуальных для современной культуры. Подобный подход мы встречаем и у Я. Ассмана, для которого «культурная память – форма трансляции и актуализации культурных смыслов» [3. С. 21]. На сегодняшний день существует несколько векторов осмысления культурной памяти, среди которых выделим изучение коммуникативных функций памяти (Я. Ассман, Ю. Лотман); изучение механизмов сохранения и забвения в культурной памяти (А. Васильев, П. Рикер, Г. Тульчинский, М. Хальбвакс.); анализ механизмов культурной памяти в аспекте культурной идентичности (О. Астафьева, И. Кондаков, И. Малыгина, С. Никольский), осмысление концептов постпамяти и контрпамяти (М. Фуко, П. Хаттон, М. Хирш), феномена ностальгии в культуре (З. Бауман, С. Бойм, Л. Немченко, Н. Семенова, Э. Тышковска-Каспшак). В контексте обращения к событиям Второй мировой войны мы акцентируем внимание на процессах сакрализации культурной памяти. Безусловно, сакрализация культурной памяти так или иначе связана со всеми вышеперечисленными аспектами осмысления феномена памяти как таковой: сакрализация является вариантом сохранения культурной памяти, способствует процессам идентификации и самоидентификации, выполняет коммуникативные функции. Тем не менее процессы сакрализации памяти имеют специфику, которая особенно репрезентативна в секуляризованном обществе. О сакрализации как ядре культуры писал

⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

⁸ Деррида Ж. О грамматологии. Пер. с франц., вступит ст. и комм. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

⁹ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.

¹⁰ Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. Ст. и коммент С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.

¹¹ Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.

¹² Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: РЕФЛ-бук; Киев: АСТ, 1997. 378 с.

¹³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа / сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с.

¹⁴ Зоркая Н. М. История советского кино. СПб.: Алетейя, 2005. 544 с.

¹⁵ Разлогов К. Мировое кино: история искусства экрана. М.: Эксмо, 2011. 687 с.

¹⁶ Хренов Н.А. Образы Великого разрыва: кино в контексте смены культурных циклов. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 535 с.

М. Элиаде, отмечая, что она является обязательной составляющей культуры [4], Э. Дюркгейм подчеркивал, что «общество может существовать, только порождая у своих членов чувство священного <...> при помощи периодически повторяющихся специальных ритуалов, воссоздающих совместное сакральное прошлое» [5. С. 151]. Сакрализация – процесс многоаспектный, на что обращают внимание В.И. Кудашов и Н.С. Буртасова, выделяя социальный аспект «сакрализации базовых ценностей и идеалов культуры», историко-культурный и мировоззренческий аспекты [6. С. 179]. При этом подчеркивается роль последнего, поскольку он объединяет в себе онтологический и аксиологический аспекты и характеризует «особенности менталитета той или иной социальной группы и реализующийся в индивидуальном и коллективном психоэмоциональном опыте, когда сакральное выступает в качестве способа чувственного переживания, важной части душевной жизни человека» [6. С. 179].

Кроме того, спецификой сакрализации является многослойность и символический характер культурной памяти, связанный с тем, что возникновение сакрализации памяти обусловлено кризисной ситуацией в культуре. Разделяя позицию М. Шуб, к таким кризисным ситуациям мы относим кризис информации, точнее – «интенсификации процессов заполнения ЮбъемаI памяти», обусловленный тем, «что в условиях кризиса Iбольших идентичностейI общество не способно сформировать четкую стратегию запоминания и забвения: то, что сегодня кажется значимым, завтра может оказаться на периферии актуальности» [7. С. 5].

Еще одним кризисом сакрализации культурной памяти является кризис традиции («о памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [8. С. 17]), а также кризис памяти как таковой, которая, по мнению М. Шуб, порождена «посттравматическим синдромом коллективной памяти» – сильнейшим потрясением всего мирового сообщества, вызванным ужасами Второй мировой войны, Холокоста и др. [9. С. 5].

Обратим внимание на то, что в отечественном гуманитарном знании проблемы памяти, и прежде всего, проблемы сакрализации культурной памяти – все чаще рассматриваются применительно к событиям Великой Отечественной войны. Подобный подход не случаен: во-первых, сакрализация, как правило, связана с феноменом смерти, который, в свою очередь, наиболее репрезентативно представлен в контексте войн, революций и т.д.: «Понятие прошлого возникает тогда, когда осознается разница между вчера и сегодня. Смерть есть «первичный опыт» для осознания этой разницы, так что воспоминания, связанные с умершими (*memoria*), дают начало культуре воспоминаний» [10. С. 56]. Во-вторых, как было отмечено выше, актуализация культурной памяти связана с юбилейными событиями, о чем писал П. Нора: «Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [11. С. 26]. Наконец, в-третьих, сакрализация памяти о Великой Отечественной войне напрямую связана с процессом мифологизации – наиболее продуктивным механизмом формирования культурной памяти [12]. Великая Отечественная война является одной из базовых мифологем советской культуры и сохранила свою жизнеспособность (почти в неизменном виде, о чем мы скажем ниже) в современной культуре.

Сакрализация культурной памяти включает в себя обязательные конструкты – мифологемы. В контексте нашего исследования мифологема – это конструкт, в основе которого, как правило, лежит фантомный, но при этом *освященный традицией* (курсив мой – Т.Е.) денотат, который обладает эмоциональной нагрузкой и богатым манипулятивным потенциалом [13. С. 126; 14. С. 152]. К конструктам сакрализации мы относим образ Великой Отечественной войны, который является многозначным символом утраты и победы, гибели и стойкости, героизма и подвига, самопожертво-

вания и защиты. Перечисленными понятиями не исчерпывается многозначность образа войны, но определяется амбивалентность и сложность этого символа. Конструктами сакрализации памяти о Великой Отечественной войне являются также образы героев войны (как прославленных и известных в истории культуры, так и безымянных); образ советского народа как целостности, претендующей на культурную идентичность; конструируемый мифологический хронотоп, моделирующий особые пространственно-временные представления и др. Главное, что отличает эти конструкты, – придание им особого ценностного смысла, который не поддается трансформации, забвению и искажению, более того – стремится к юридическому закреплению в нормативных документах.

Сакрализация памяти о Великой Отечественной войне реализована в тех же формах, что и культурная память в целом: информационной как содержащей представления о прошлом; деятельностной как актуализирующей (значимые или наиболее востребованные модели поведения, «проверенные» прошлым) [15. С. 9]; ценностной (включающей в себя сакрализацию события) и эмоциональной как «совокупность универсальных эмоциональных реакций на события и явления прошлого, экстраполируемых и на иные модусы времени) [15. С. 9]. Сакрализация претендует на конструирование национальной идеи, которая объединяет как советское, так и постсоветское пространство современной отечественной культуры: «Победа 1945 года не просто центральный смысловой узел советской истории, начавшейся Октябрьской революцией и завершённой распадом СССР, фактически это единственная позитивная опорная точка национального самосознания постсоветского общества» [16].

Современный отечественный кинематограф как средство сакрализации памяти о Великой Отечественной войне.

Сакрализация памяти происходит в культуре разными способами: в формировании культурной памяти принимают участие официальная власть, социальные институты, средства массовой информации, учреждения культуры и образования и др. Особое место в моделировании культурной памяти и ее сакрализации занимает искусство, именно оно формирует эмоциональный аспект памяти и репрезентирует систему ценностей, несет информацию и способствует мифологизации образов истории. Предметом нашего анализа стал отечественный кинематограф последнего юбилейного десятилетия: 2015–2021 гг. Выбор данного временного периода обусловлен несколькими причинами: обращением кинематографа к памятным датам истории Великой Отечественной войны; временными границами памятных событий, связанных с культурной памятью. Сошлемся на справедливое замечание В. Чистяковой, которая обращает внимание на то, что «коммуникативная память функционирует в горизонте «жизненного мира», который может быть охвачен собственным опытом индивида и услышанными им рассказами. Временной диапазон коммуникативной памяти составляет 60–80 лет с того момента, как произошло значимое для сообщества событие» [17. С. 126]. 2020 год – год 75-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, а 2021 год – год 80-летия начала Великой Отечественной войны. Таким образом, мы сейчас находимся на тех границах, которые становятся рубежными в функционировании культурной памяти, а значит, именно сейчас намечаются векторы дальнейшей эволюции культурной памяти о Великой Отечественной войне. Еще одна из причин обращения к этому периоду – возможность провести сравнительный анализ обращения к памятным событиям Второй мировой войны в отечественном кинематографе: ранее нами были проанализированы феномены постпамяти и контрпамяти в отечественном кинематографе 2010–2015 годов [18]. Появление новых фильмов позволяет сопоставить тенденции осмысления событий Великой Отечественной войны, обозначив новый аспект анализа – аспект сакрализации культурной памяти.

В предложенном ранее анализе мы обращались к жанровым и сюжетным особенностям кинофильмов о Второй мировой войне, а также к способам репрезента-

ции военной тематики. Принимая во внимание обозначенные выше особенности сакрализации памяти о войне, конструктах памяти и их мифологизации, мы обратимся к тематической специфике кинофильмов и репрезентации мифологем культурной памяти.

Сакрализация памяти в отечественном кинематографе представлена моделированием образа героя. Героическое начало в целом присуще сакрализации, но в данном случае мы говорим о конструировании образа героя как главного персонажа, концентрирующего лучшие качества личности и демонстрирующего выдающиеся способности. Отметим, что процессы героизации были характерны для советской культуры изначально: героизация личности была тесно связана с концептом нового человека, который в дальнейшем трансформировался в представления о советском человеке [19]. Процессы сакрализации памяти приводят к тому, что герой Великой Отечественной войны приобретает черты святости, трансформированные в соответствии с темой войны.

В традиционном истолковании понятие «святой» имеет несколько значений: словарь С.И. Ожегова определяет святого как «обладающего божественной благодатью, «проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный», «истинный, величественный, исключительный по важности» [20]. Современный философский словарь предлагает вариант, в котором появляются важные уточнения: «Различают святого (приносящего свою телесную жизнь в жертву жизни духовной), мудреца (считающего добродетелью «равновесие» между физическими желаниями и духовными устремлениями: Платон) и героя, прославившегося своими подвигами во время войны или на Олимпиаде, или историческая самореализация: великий политический деятель, ученый или философ, чье творчество знаменательно для той или иной эпохи» [21]. В этом определении подчеркивается не религиозная святость, а героическая, которая представлена в отечественных фильмах о Священной войне. Святость героя проявляется не в его непогрешимости (напротив, зачастую герой показан как человек с недостатками и изъянами), а в его готовности к подвигу, защите Отечества, самопожертвованию. Фильмы, повествующие о подобных героях, можно разделить на две группы: это фильмы, в названии которых заявлена биографическая тематика («Калашников», реж. К. Буслов, 2020; «Девятаев», реж. Д. Киселев, 2021), и фильмы, в наименовании которых нет имен собственных, но главные действующие лица имеют реальные прототипы («Собибор», реж. К. Хабенский, 2018; «Солдатик», реж. В. Фанасютина, 2019; «Несокрушимый», реж. К. Максимов, 2018).

Мифологема героя Великой Отечественной войны имеет как минимум два уровня реализации: первый связан с образами героев, имеющих, как было отмечено выше, реальных прототипов; второй – с героизацией образа советского народа. В этом случае мы также говорим о сакрализации памяти, но обращаемся к мифологеме «советский народ», которая раскрывается не через индивидуальный, а через массовый героизм. Советский народ – мифологема многокомпонентная, включающая в себя комплекс символических характеристик, среди которых выделяются идеологическая составляющая (верность идеям социализма и коммунизма, борьба с врагом, патриотизм), социальная составляющая (чувство коллективизма, осознание себя частью общего дела, интернационализм, гуманизм), повседневная (общечеловеческая) составляющая, которая также характеризует некую советскую общность (трудолюбие, скромность, оптимизм, нравственность). Сакрализация образа народа имеет особое значение в отечественной культуре: она встречалась в культуре досоветской (русский народ – святой, обладающий особой ментальностью), в советский период приобрела онтологическую значимость, поскольку способствовала конструированию новой советской общности. В постсоветский период обращение к мифологеме «советский народ» в контексте сакрализации приобретает дополнительный смысл: советский народ осознается как народ-победитель, народ, преодолевший все трудности и невзгоды, защи-

тивший не только Отечество, но и ценности мировой культуры. Сакрализация образа советского народа не ставит буквальной цели возвращения этой общности, но символически обращена к поиску культурной идентичности: «Наиболее характерной особенностью современной жизни является недостаток стабильности на уровне идентичности, что приводит к проекту конструирования памяти с целью конструирования самой идентичности» [22. С. 146]. Отмечая условность любой классификации и обязательное наличие в любом кинофильме о Великой Отечественной войне образа героического советского народа, все же выделим в отдельную группу те фильмы, в которых героические деяния народа представлены в качестве ведущей темы: «Подольские курсанты» (реж. В. Шмелев, 2020), «Коридор бессмертия» (реж. Ф. Попов, 2019), «Семь пар нечистых» (реж. К. Белевич, 2018), «Прощаться не будем» (реж. П. Дроздов, 2018), «Двадцать восемь панфиловцев» (реж. А. Шальопа, К. Дружинин, 2016 г.).

Еще одна мифологема, востребованная в отечественном кинематографе, – мифологема памятного события. В данном случае мы говорим о великих сражениях и битвах, которые сыграли значимую роль в ходе развития Второй мировой войны. Эти сражения имеют разные коннотации: могут символизировать слом и изменение хода войны (Смоленское сражение, Курская битва) или быть символом трагических поражений (Брестская крепость). Как правило, эти сражения амбивалентны по своей символике, поскольку соединяют и разрушительную трагедию, связанную с огромными потерями, и героизм и стойкость духа, который (даже в случае реального поражения на поле битвы) принес в итоге победу советским войскам. В указанный нами временной период вышло несколько фильмов, связанных с подобными событиями: «Ржев» (реж. И. Копылов, 2019), «Двадцать восемь панфиловцев» (реж. А. Шальопа, К. Дружинин, 2016 г.), «Битва за Севастополь» (реж. С. Мокрицкий, 2015).

Если указанные выше фильмы репрезентируют традиционные мифологемы Великой Отечественной войны, то обозначенные ниже группы стоят особняком.

Так, в отдельную группу мы выделяем фильмы, посвященные ленинградской блокаде. Тематически эти фильмы могут быть отнесены к предыдущей группе, поскольку в них представлена мемориализация памятного события. Тем не менее речь идет не о героической битве и не о конкретном событии, поскольку блокада Ленинграда продолжалась более двух с половиной лет. Сакрализация ленинградской блокады конструирует отдельную мифологему, которая связана с комплексом мифологем Великой Отечественной войны: массовый героизм жителей Ленинграда (еще один аспект героического образа советского народа), мифологический хронотоп (сакрализация места действия – Ленинград – и времени в его длительности – с 1941 по 1944 г.). За последние пять лет в прокат вышло три фильма, посвященных блокаде Ленинграда: «Крик тишины» (реж. В. Потапов, 2019), «Спасти Ленинград» (реж. А. Козлов, 2019), «Три дня до весны» (реж. А. Касаткин, 2017). Подобного внимания к ленинградской блокаде в кинематографе мы не наблюдали в предыдущие годы, что является, на наш взгляд, свидетельством не только попытки закрепления на государственном уровне мифологемы ленинградской блокады как одного из самых страшных и трагических событий Второй мировой войны, но и реакцией на процессы забвения, происходящие в культурной памяти.

В последние пять лет появилось значительное количество исследований, посвященных анализу социологических опросов, тематика которых связана с Великой Отечественной войной (Афанасьева Л.И., Балабанов С.С., Савченко И.А., Саралиева З.Х., Снегирева Л.А., Устинкин С.В.). Отметим, что результаты социологических опросов свидетельствуют о двояком процессе, связанном с культурной памятью: сакрализация памяти о Великой Отечественной войне и ее роли в культуре России, с одной стороны, и забывание содержания исторических событий, имен героев Второй мировой войны, хода военных действий, с другой стороны: «Определяется следующая тен-

денция: в памяти молодого поколения, в отличие от более старших поколений, закрепились главным образом лишь самые значимые даты (начало войны, День Победы, уже в меньшей степени – блокада Ленинграда и Сталинградская битва), известные не столько по школьным учебникам, сколько благодаря телевидению и кинематографу» [23. С. 113]. В этом выводе отражена функция сакрализации культурной памяти, которая связана с сохранением и транслированием информации, а также ее эмоциональном (благодаря образам киноискусства) аспекте.

Особняком стоит еще одна группа кинофильмов, в которых героическое начало связано не только с системой персонажей, но и с сакрализацией средств героической борьбы Советской армии с фашистскими захватчиками: легендарными боевыми машинами, которые в контексте Великой Отечественной войны приобретают символическое звучание. К этой группе относятся такие фильмы, как «Т-34» (реж. А. Сидоров, 2019), «Танки» (реж. К. Дружинин, 2018), «Несокрушимый» (реж. К. Максимов, 2018). Как и в случае с фильмами о блокаде Ленинграда, обратим внимание на своего рода бум кинофильмов, в центре внимания которых легендарные танки (и танкисты). Условно к этой же группе можно отнести и указанный выше фильм «Калашников» (реж. К. Буслов, 2020), который повествует не только о героической личности изобретателя, но и истории появления легендарного автомата Калашникова (АК). На наш взгляд, этот вектор сакрализации также имеет мифологические основы: сакрализации подвергаются объекты, которые являются неотъемлемой частью героического подвига (мифологические атрибуты героев), кроме того, происходит своего рода одушевление боевых машин, которые приобретают свою биографию (предысторию), как, например, в фильме «Танки» (где действие происходит до войны: 1939–1940 гг.). В контексте сакрализации указанные фильмы имеют еще один важный идеологический подтекст: они демонстрируют военную мощь державы, которая победила, в том числе и благодаря военной технике.

Указанные выше группы кинофильмов, репрезентирующих процессы сакрализации памяти о Великой Отечественной войне, можно считать традиционными. Сопоставляя фильмы, вышедшие в период с 2015 по 2021 г., с исследуемыми ранее кинофильмами – с 2010 по 2016 г., мы обнаруживаем общность процессов сакрализации памяти о войне, которые присутствуют на уровне тематики. Так, в период с 2010 по 2016 г. в прокат вышли кинофильмы о героических битвах и подвигах советского народа («Сталинград», реж. Ф. Бондарчук, 2013 г.; «Брестская крепость», реж. А. Котт, 2010). Также мы обнаруживаем общие тенденции показа событий Великой Отечественной войны: доминирование эмоционального отношения к войне, которое выражено в том, что военные действия становятся фоном, обозначением кризисной ситуации, в которую попадают герои, испытанием, проверкой на человечность («Единичка», реж. К. Белевич, 2015 г., «Рябиновый вальс», реж. А. Смирнов, А. Семенов, 2010 г., «Поп», реж. В. Хотиненко, 2009, «В тумане», реж. С. Лозница, 2012 г.).

В период 2015–2021 гг. мы также можем выделить фильмы, в которых внимание уделяется взаимоотношениям персонажей, теме любви и дружбы: «Учености плоды» (реж. И. Угольников, 2021), «Дылда» (реж. К. Балагов, 2019), «Холодное танго» (реж. П. Чухрай, 2017), «Рай» (реж. А. Кончаловский, 2016). Примечательно, что указанные фильмы не укладываются в предложенный нами формат сакрализации памяти о Великой Отечественной войне не потому, что связаны с процессами демифологизации, а потому, что погружают нас в другой процесс – сложных человеческих взаимоотношений между людьми, волею истории оказавшихся врагами («Учености плоды»), адаптации человека, прошедшего войну, к мирной жизни («Дылда»), любви и ненависти людей, оказавшихся после войны в разных идеологических лагерях («Холодное танго»), мучительным отношениям жертвы и палача («Рай»). Отметим, что фильмы «Дылда», «Холодное танго» и «Рай» были отмечены фестивальными наградами и относятся скорее к авторскому, а не массовому кинематографу.

Вне нашего внимания остались также фильмы, которые имеют ярко выраженный приключенческий характер, хотя в них тоже можно обнаружить элементы сакрализации памяти о Великой Отечественной войне, репрезентированные на уровне героизации персонажей: «На Париж» (реж. С. Саркисов, 2019), «Рубеж» (реж. Д. Тюрин, 2017), отчасти «Красный призрак» (реж. А. Богатырев, 2019).

В задачи нашего исследования не входил анализ жанровой специфики кинофильмов, а также анализ режиссерской концепции или прокатной политики – эти вопросы должны стать предметом специального осмысления.

Подводя итоги нашего исследования, мы приходим к следующим выводам. Сакрализация памяти о Великой Отечественной войне в современном кинематографе направлена на консервацию и превращение в архетип образа Священной войны. Способы сакрализации связаны с репрезентацией в отечественном кинематографе комплекса мифологем (конструктов), посредством которых раскрывается архетип Священной войны: мифологемы подвигов героев Великой Отечественной войны, героического подвига советского народа (как воинов, так и тех, кто находился в тылу), сакрализации мест памяти войны посредством обращения к значимым битвам, событиям, которые могут иметь двойственную коннотацию (трагедии поражения и героики победы), сакрализации военной техники (как атрибутов Советской армии). Процесс сакрализации связан с идеологическими конструктами российского государства и направлен на закрепление в памяти информации о событии, его эмоционального восприятия и образцов поведения, которые должны стать частью системы ценностей общества: «следствием сакрализации становится утверждение единственно верного канонического варианта исторического нарратива и, как следствие, табуирование критического осмысления соответствующей мифологемы» [24. С. 151].

Сакрализация имеет как негативные, так и позитивные аспекты, которые обусловлены амбивалентностью самого процесса формирования культурной памяти и моделируемых мифологем. Негативные аспекты связаны с отсутствием критического отношения к любым событиям и фактам, связанным с Великой Отечественной войной, что находит отражение в формировании стереотипов восприятия Второй мировой войны, а также в пропагандировании других мифологем, связанных с образами Войны, например, сталинского режима, на основании того что Сталин может быть представлен как герой-победитель. Позитивный аспект связан с тем, что одной из задач сакрализации является поиск идентичности, которая будет способствовать консолидации общества: «Можно говорить о военных фильмах в истории культуры нашей страны не только как об отражении конкретных событий, но и как об элементах механизма идентификации и самоидентификации нескольких поколений. Сегодня, когда вновь стал актуален вопрос национальной идеи, наднационального и надконфессионального единства всех граждан России, возникает необходимость обнаружения некоего общего знаменателя, платформы для этого единства. Другого варианта, кроме общего, великого прошлого просто нет» [25. С. 158].

Литература

1. Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства // Критика и время: литературно-критический сборник / сост. Н.П. Утехин. Ленинград: Лениздат, 1984. С. 68–74.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 200–202.
3. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München. Beck, Cop., 1992. 344 с.
4. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / пер. с английского Ш.А. Богоиной, Н.В. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Г.С. Старостина. М.: Ладомир, 1999. 488 с.

5. Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 141–168.
6. Кудашов В.И., Буртасова Н.С. Управление массовым сознанием: сакрализация идеалов и ценностей // Социально-экономический журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2. С. 173–186.
7. Шуб М.Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 1. С. 4–11.
8. Нора П. Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 333 с.
9. Шуб М.Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 1. С. 4–11.
10. Ерохина Т.И. Максим Горький: культурный герой и память культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 217–222. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10216.
11. Вепрева И.Т. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. Вып. 3. С. 120–131.
12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
13. Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения: 15.09.2021).
14. Чистякова В.О. «Память о войне» как элемент национальной идеи (опыт отечественного кинематографа (1911–2011 гг.)) // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. М.: Совпадение, 2012. С. 115–131.
15. Ерохина Т.И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 269–274.
16. Ерохина Т.И. Героизация личности и быта в советской культуре начала XX века: генезис и трансформация // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4. С. 147–155. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-4-115-147-155.
17. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28198> (дата обращения: 15.09.2021).
18. Философский словарь. URL: <https://vslovare.info/slovo/filosofskii-slovar/svjatoij/268783> (дата обращения: 15.09.2021).
19. Мегилл А. Историческая эпистемология. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
20. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Историческая память в эмоциональном и исследовательском восприятии // Власть. 2017. Т. 25. № 10. С. 112–122.
21. Каблуков Е.В. Мифологема Великой Отечественной войны в современном российском медиадискурсе // Профессиональная культура журналиста в эпоху социальных и технологических трансформаций медиасферы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / сост. Автхутдинова О.Ф. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. С. 150–153.
22. Родионова О.В. Образ ВОВ в кинематографе как отражение культурно-исторической памяти и механизм самоидентификации // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 146–171.

Sacralization of the Cultural Memory of the Great Patriotic War in the Contemporary Russian Cinema

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2021, 4 (83), 126–138.
DOI: 10.24412/2070-075X-2021-4-126-138

Tatiana I. Erokhina, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: tierokhina@yandex.ru

Keywords: cultural memory, sacralization, mythologization, national cinema, heroization, Great Patriotic War.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-68-46013.

The article analyzes the phenomenon of cultural memory presented in an aspect of sacralization. The research object is the contemporary national cinema in the aspect of the sacralization of the cultural memory of the Great Patriotic War. The author considers the content-related aspects of cultural memory, designates mechanisms and vectors of cultural memory sacralization in the contemporary Russian culture. Sacralization is considered as a multidimensional and indispensable component of culture associated with mythologization, heroization, and modeling of a symbolic picture of values in culture. Based on the scientific tradition of cultural memory studies and the semiotic and sociocultural methods of analyzing cultural phenomena, the author identifies the main mythologems that model the archetype of the Sacred War. Sacralization aims at constructing a war hero image that acquires features of holiness. The image of Soviet people is heroized. It includes two hypostases: heroes of battles and heroes of home front. Mythologems of memorable events that are not subject to oblivion are sacralized. The author notes the specifics of the sacralization of the memory of the Great Patriotic War, which is associated with the actualization in contemporary cinema of the themes of the Siege of Leningrad and the legendary armored fighting vehicles (symbolic attributes) of the Soviet Army. Emotional aspects of cultural memory, less subjected to sacralization, are noted. The conclusions outline the goals and functions of cultural memory sacralization that have ideological, informative, value, and emotional aspects. The sacralization of the memory of the Great Patriotic War in contemporary cinema is aimed at preserving the image of the Sacred War and turning it into an archetype. Sacralization has an ambivalent character. A negative factor of sacralization is connected with the lack of a critical attitude and modeling of stereotypes of the perception of the image of the Great Patriotic War. A positive factor is connected with the search for an identity that contributes to society's consolidation.

References

1. Likhachev, D.S. (1984) *Iskusstvo pamyati i pamyat' iskusstva* [The Art of Memory and the Memory of Art]. In: Utekhin, N.P. (ed.) *Kritika i vremya: literaturno-kriticheskiy sbornik* [Criticism and Time: Literary-Critical Collection]. Leningrad: Lenizdat. pp. 68–74.
2. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 tomakh* [Selected Articles: In 3 Volumes]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra. pp. 200–202.
3. Assmann, J. (1992) *Das kulturelle Gedachtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identitat in fruehen Hochkulturen*. Miinchen: Beck; Cop.
4. Eliade, M. (1999) *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays on Comparative Religious Studies]. Translated from English by Sh.A. Bogina, N.V. Kulakova, V.R. Rokityanskiy, G.S. Starostin. Moscow: Ladomir.

5. Vasil'ev, A. (2014) Embodied Memory: Commemorative Ritual in Sociology of Emile Durkheim. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 13 (2). pp. 141–168. (In Russian).
6. Kudashov, V.I. & Burtasova, N.S. (2015) Management of the Mass Consciousness: Sacralization of Ideals and Values. *Sotsial'no-ekonomicheskii zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 2. pp. 173–186. (In Russian).
7. Shub, M.L. (2017) Social, Collective, and Cultural Memory: a New Approach to the Definition of the Semantic Borders of Concepts. *Observatoriya kul'tury – Observatory of Culture*. 14 (1). pp. 4–11. (In Russian). DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-1-4-11
8. Nora, P. (1999) *Frantsiya-pamyat'* [Realms of Memory: Rethinking the French Past]. Translated from French. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
9. Erokhina, T.I. (2018) Maxim Gorky: A Cultural Hero and Memory of Culture. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 4. pp. 217–222. (In Russian). DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10216
10. Vepreva, I.T. (2006) Ideologema i mifologema: interpretatsiya terminov [Ideologeme and Mythologem: Interpretation of Terms]. *Nauchnye trudy professorov Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*. 3. pp. 120–131.
11. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd: Peremena.
12. Gudkov, L.D. (2005) “Pamyat'” o voyne i massovaya identichnost' rossiyan [“Memory” of the War and the Mass Identity of Russians]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/> (Accessed: 15.09.2021).
13. Chistyakova, V.O. (2012) “Pamyat' o voyne” kak element natsional'noy idei (opyt otechestvennogo kinematografa (1911–2011 gg.)) [“Memory of War” as an Element of the National Idea (The Experience of Russian Cinema (1911–2011))]. In: Kochelyaeva, N.A. (ed.) *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noy identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural Memory in the Context of the Formation of Russia's National Identity in the 21st Century]. Moscow: Sovpadenie. pp. 115–131.
14. Erokhina, T.I. (2017) A Memory Phenomenon in Popular Culture: Countermemory and Post-memory in Russian Cinema. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 5. pp. 269–274. (In Russian).
15. Erokhina, T.I. (2020) Heroization of the Personality and Life in Soviet Culture of the Beginning of the XX Century: Genesis and Transformation. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4. pp. 147–155. (In Russian). DOI: 10.20323/1813-145X-2020-4-115-147-155
16. *Tolkovyy slovar' Ozhegova* [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. [Online] Available from: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28198> (Accessed: 15.09.2021).
17. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. [Online] Available from: <https://vslovar.info/slovo/filosofskii-slovar/svjatoij/268783> (Accessed: 15.09.2021).
18. Megill, A. (2007) *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Translated from English. Moskva: “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiya”.
19. Savchenko, I.A., Snegireva, L.A. & Ustinkin, S.V. (2017) Historical Memory in Emotional and Scientific Perception. *Vlast' – The Authority*. 25 (10). pp.112–122. (In Russian).
20. Kablukov, E.V. (2020) [Mythologem of the Great Patriotic War in Modern Russian Media Discourse]. *Professional'naya kul'tura zhurnalista v epokhu sotsial'nykh i tekhnologicheskikh transformatsiy mediasfery* [Professional Culture of a Journalist in the Era of Social and Technological Transformations of the Media Sphere]. Conference Proceedings. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 150–153. (In Russian).

21. Rodionova, O.V. (2017) The Image of the Second World War in Cinema as a Reflection of Cultural-Historical Memory and the Mechanism of Self-Identification. *Vestnik MGLU Kul'turologiya*. 1. pp. 146–171. (In Russian).

УДК 008:061.2

DOI: 10.24412/2070-075X-2021-4-138-146

О.С. Туривненко, Л.А. Карапетян

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ МУЗЕЯ И.С. ШМЕЛЕВА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ МУЗЕЕВ КРЫМА

В статье впервые представлен целостный взгляд на сохранение и актуализацию музейного культурного наследия, связанного с именем Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), в контексте анализа деятельности литературных музеев Крыма. В творчестве И.С. Шмелева освещено как дореволюционное время, так и период трагических событий в советской России. Музей выполняет важную социальную функцию по воспитанию исторической памяти и национального самосознания народа на основе специальных аксиологического (ценностного) и коммуникационного методов музеологии. Последний понимается как многоуровневое явление и исходит из субъект-субъектных отношений в отличие субъект-объектных отношений советского периода [1. С. 109–111]. Такой подход повышает эффективность деятельности и социальную значимость музея.

Ключевые слова: литературные музеи, популяризация творчества, открытие музея, музей Сергеева-Ценского, музей Шмелева, образовательные программы, коммуникационный подход.

В музеях Российской Федерации сосредоточена огромная часть культурного наследия многонационального российского народа, имеющее непреходящее значение в качестве ресурса государственной культурной политики. Его сохранение, изучение, актуализация является необходимыми и значимыми для патриотического воспитания, обеспечения культурной идентичности, реализации национальных проектов. В новой редакции (01.07.2020 г.) Конституции Российской Федерации культура России определяется как «уникальное наследие ее многонационального народа, которая поддерживается и охраняется государством» (ч. 4 ст. 68) [2. С. 25].

По наполненности музейными учреждениями Крым по праву является одним из самых музеефицированных регионов Российской Федерации. В Крыму функционируют 15 региональных государственных музеев и 32 их филиала, обособленных отдела и сектора. Суммарное количество фондовых музейных предметов из их коллекций составляет порядка 800 тысяч экспонатов. Ежегодная посещаемость музеев Крыма составляет более 8 млн посетителей из разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Особую нишу в музейном пространстве Крыма занимают литературные музеи, которые раскрывают тему жизни и творчества писателей, посвятивших свою жизнь и дарованный им талант Крымской земле. Каждый музей стремится быть уникальным и иметь свое лицо, несхожее с другими подобными.

В Крыму жили и работали писатели: С.Н. Сергеев-Ценский, И.С. Шмелев, А.С. Пушкин, А.П. Чехов, М.А. Волошин, К.Г. Паустовский, А.С. Грин, Ю. Семёнов. Такие писатели, как Л.Н. Толстой, К.М. Станюкович, М.И. Цветаева, А.И. Куп-